У нас было станкостроение. У нас его теперь нет

Очередной «неожиданно» нагрянувший кризис напрасно называют финансовым.

Он – все тот же: трудовой, промышленный.

Уникальные возможности высоких цен на нефть и дешевых кредитов не были использованы для перевооружения российской промышленности.

Вот страшная военная тайна.

Элиты бездарно – с точки зрения государственности - проели гигантские ресурсы. А надо было строить новые города и создавать станкоинструментальную базу новой национальной промышленной системы.

Про города – в следующем номере. Здесь – про станкостроение.

Если Сталин, выступая в январе 1933 года с докладом «Итоги первой пятилетки» с заслуженной гордостью перечислял созданные за предыдущие несколько лет новые отрасли промышленности и, в частности, «У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь», то те, кто сегодня ответственны за экономику могут с ещё большей гордостью заявить, что «у нас было станкостроение. У нас его теперь нет».

Станкостроения не стало.

Номенклатура выпускаемых станков сузилась, конкурентоспособность продукции фактически нулевая. За прошедшие с момента «перестройки» 20 лет количество занятых в станкостроении упало более чем в 20 раз. Коэффициенту обновления станочного парка, который в СССР составлял 5 - 6 % в год, а в настоящее время в РФ - 0,3

%, в то время как в развитых странах – 8 – 10 % - т.е. они обновляют свои базовые средства производства за 10 лет, а мы собираемся – за 300!

Без современного станочного парка мы имеем крайнюю избыточность «живого» труда, когда в производстве единицы продукции участвует в 5 – 15 раз большее количество квалифицированных рабочих и конечная стоимость возрастает в разы. Так, реальная стоимость ракет-носителей «Союз» в 4 и более раза превышает американские и европейские аналоги, сельскохозяйственных машин – минимум в 2 раза и т.д. В мире на сложных производствах доля роботов доходит до 70 процентов, мы же делаем ставку на роботов-гастарбайтеров.

Далее. Средняя скорость обработки детали в России сегодня примерно в 15 раз меньше чем в США (2,5 тысячи оборотов в минуту против 40), а по высокоточной обработке специальных сталей и сплавов – в 25 и более раз. Какой же мы ждём производительности труда? Какой конкурентоспособности?

Вот объективность и реальность, все же проценты так называемого «экономического» и промышленного роста – дутые. Вот предмет управления, которым надо с утра до вечера заниматься правительству.

Но как недавно заявил первый вице-премьер Игорь Шувалов, «мы понимаем, что деньги до реального сектора не доходят».

Надо же! Вот ещё одно открытие. Будем ждать следующего кризиса.